

ПУТЁВКА В ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ (КОРРЕКЦИОННАЯ) ШКОЛА-ИНТЕРНАТ ИЗ ПОДМОСКОВНОГО ГОРОДА НОГИНСКА
ЗАНЯЛА ПРИЗОВОЕ II МЕСТО В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ ИМ. А.С. МАКАРЕНКО**

Нина Никольская

Школа: дом окнами к солнцу

Пасмурный, не по-весеннему холодный день с островками грязного талого снега остался там, за дверью. А здесь... Светлые деревянные панели излучали тепло, лёгкие жёлтые занавески создавали полную иллюзию солнечного дня, со стен смотрели яркие диковинные птицы, петух из золотой соломки, словно сошедший со страниц пушкинской сказки, казалось, приветливо помахивал хвостом из разноцветных перьев. Но ещё наряднее, ещё элегантнее выглядели классы: каждый оформлен по-своему, в каждом шторы гармонировали с мебелью и окраской стен, на учительском столе — цветы. От всего облика школы веяло светом, теплом, уютом и ещё чем-то, что с первого взгляда и не определишь.

С этим интерьером, выполненным с любовью и хорошим вкусом, никак не сочетался статус школы-интерната: специальной (коррекционной) VIII вида, для детей с проблемами в умственном развитии. Профессионалы знают, какая человеческая и социальная драма кроется за этим «видом», что и породило стереотип восприятия такой школы. Но в этом доме драма решительно не просматривалась. Уроки шли (во многих классах с открытой дверью) с обычным оживлением, ребята охотно отвечали, вполне сносно читали, решали на доске примеры. После занятий высыпали гурьбой в коридор, и — ни беспорядочной беготни, ни резких звуков, ни летающих над головами портфелей. Как в хорошей семье в хорошем доме, у каждого здесь своё привычно обжитое пространство. Группа мальчиков быстро натянула сетку для мини-тенниса, загородив часть просторного коридора шторкой (чтобы мяч не летал куда попало и не мешал остальным), другая группка склонилась над шахматным столиком, стоящим здесь же в рекреации. Кто-то из девочек забежал в библиотеку, кто-то стайкой направился в столовую. Открыл двери «Город мастеров», и тридцать школьных кружков предложили ребятам заняться любимым делом...

Такая налаженная жизнь достигается годами, и снова приходит сравнение с большой семьёй, где у каждого есть свой круг дел и забот. Но школа-то — учреждение с постоянно меняющимся контингентом: кто-то заканчивает учёбу, кто-то приходит в нулевой класс. Как удаётся учителям столь быстро «встраивать» новичков в общий ритм и стиль жизни ребячьего коллектива? Жизни, наполненной смыслом и внутренним достоинством.

Как известно, чистота и порядок не видны: кажется, что так и должно быть, как же иначе? В глаза бросаются только грязь и беспорядок. Походишь по школе, заглянешь в один уголок, в другой... Вот кабинет математики, вот биологии (шкафы ломятся от нагляд-

ных пособий, раздаточного материала, папок с рассказом об опыте, с планами уроков, классных часов), вот медпункт, сияющий белизной мебели, вот уголок психолога — цветы, спокойные, пастельных тонов обои... Полноте! Об этой ли школе говорила директор Наталья Арсеньевна Карэ, когда представляла участникам конкурса и членам жюри своё образовательное учреждение и рассказывала о том, что здесь было?

...Пятнадцать лет назад, придя на новое место работы, увидела директор на каждом квадратном метре мерзость запустения: ржавые трубы, сырые обшарпанные стены, поражённые грибок; обвалившиеся потолки, скрипучие полы с огромными щелями, открытая обуглившаяся проводка... Сжалось тоской директорское сердце: могут ли быть счастливы люди, работающие в такой школе, и её ученики? Было от чего прийти в смятение. А в довершение всего за этим домом на окраине города закрепилась недобрая слава, и родители всеми силами оберегали детей от «дураковой школы». Немногочисленные ученики, как дикое стадо, носились на переменах по коридору. Когда Наталья Арсеньевна сделала им замечание, то в ответ услышала: «Да иди ты...» — и подросток назвал широко известный на Руси «адрес»...

Таким было первое знакомство со школой и её учениками, прямо скажем — весьма мало обнадеживающее.

Когда однажды на уроке обвалился потолок (к счастью, никто не пострадал), Наталья Арсеньевна твёрдо решила: так жить нельзя! Через неделю в школе уже стучали топоры и молотки строителей, лязгали инструменты сантехников, грохали об пол куски старой штукатурки... Капитальный ремонт школы совпал с горбачёвской «перестройкой», когда начала разваливаться экономика страны. Финансирование свелось к минимуму — даже самые необходимые статьи школьного бюджета — питание детей и зарплата учителям — стали походить на Тришкин кафтан.

В этих тяжелейших условиях директор продолжала возрождать школу, а точнее, создавать её заново. К работе вместе

со строителями привлекли часть учеников, кого удалось убедить в том, что это делается для них, ради их блага. Поощряла их за усердие то яблоком, то апельсином — ребята радовались «награде». Участвовали в ремонте и учителя, кто не покинул школу по несогласию с требованиями нового директора.

Пять лет продолжалась эта «ремонтная эпопея». Вместе с ней все эти годы «капитально ремонтировалась» и образовательная система школы — уроки-то никто не отменял, и они шли своим чередом под стук молотков, грохот труб — в неудобных, подчас и холодных классах.

Безошибочным педагогическим (а может, материнским?) чутьём Надежда Арсеньевна поняла, что этим детям, обделённым судьбой, важнее всего вернуть (а у кого-то и пробудить, воспитать) чувство собственного достоинства, ощущение жизни, «как у всех». Она видела, как социально затравлены многие ребята, как деформировало их психику пренебрежительное отношение сверстников из других школ и даже, увы, учителей. Поэтому-то после уроков и спешили ученики покинуть постылые стены, поскорее укрыться в своей домашней «норке» или примкнуть к уличной стайке таких же отверженных подростков под покровительство расторопного «мэна».

Перед директором только брезжила тогда модель будущей жизни ребят, но Наталья Арсеньевна твёрдо решила, что **в школе основной коррекционной технологией станет производительный труд**. И готовила для этого почву. Полностью был реконструирован первый этаж, где разместили 15 мастерских. Отвели помещения под актовый зал («без общих праздников школа жить не может»), под тренажёрные залы, кабинеты музыки, ритмики, социально-бытовой ориентировки.

В те годы директору пришлось не только стать строителем, но и вспомнить студенческие годы: на её рабочем столе основное место заняли книги по дефектологии, психологии, коррекционной педагогике. Она много думала о школе, о детях, об их будущем, как на экране, отчётливо

видела, что́ надо предложить им, чтобы помочь преодолеть превратности судьбы. Поэтому и начала с создания нормальных условий школьной жизни. Она уже знала не только ребят, но и их семьи, знала, в каких тяжких условиях они живут, многие подвергаются родительской жестокости. Вот и решила на свой страх и риск без всяких «согласований» оборудовать три комнаты для групп интернатного типа (а по существу — социальный приют) с ночным пребыванием детей из особо трудных конфликтных семей.

Переделали вестибюль, вход в школу, заасфальтировали ведущие к ней дорожки. Поражённые грибок стены зашили деревянными панелями, выдержав не один бой с пожарниками. Зато теперь какая бы погода ни стояла на дворе — дождь ли, метель, пронизанная ли остатками зимних холодов промозглая весна, — в школе тепло, уютно и очень светло. Кажется, всеми своими окнами этот большой, старой постройки дом обращён к солнцу...

Образовательная модель: труд как главная ценность и смысл жизни

С Серёжей Д. судьба обошлась несправедливо и очень жестоко. Он ещё не родился, а его жизнь была уже предрешена: пьяный отец в пылу ссоры ударил беременную жену и нанёс травму будущему ребёнку. Мальчик появился на свет вместе с тяжёлым диагнозом... Наверное, такие вот ситуации и породили грустно-ироничную народную сентенцию: самое главное в жизни — удачно выбрать папу.

С детских лет Серёжа чувствовал себя изгоем — и дома, где родители обращались к нему не иначе, как «дебил», «идиот»; и во дворе, среди сверстников-мальчишек, которые с детской жестокостью не хотели принимать «дурака» в свою компанию. Не принесла радости и школа: на уроках учителя в раздражении нередко называли ребят «недоумками». Утешало лишь то, что не один он такой. В этой шко-

ле все «такие» — других здесь не было. А раз все «такие», то зачем стараться, к чему-то стремиться? Серёжа и не стремился, и не старался, он вообще перестал учиться, но в школу продолжал ходить — здесь кормили.

...В первый день занятий в столярной мастерской — новенькой, блестящей свежей краской, — Серёжа впервые испытал удивление, смешанное с недоумением. Учитель труда Лев Сергеевич Туркин приветливо поздоровался с ребятами и сказал:

— Сегодня, друзья, нам предстоит серьёзная работа...

Серёжа не поверил своим ушам: «друзья?»... В искренности учителя он не усомнился (за свою короткую жизнь научился безошибочно чувствовать фальшь взрослых). Значит, это и к нему обращался Лев Сергеевич. В мальчике всё протестовало против школы, против враждебного мира взрослых, против постылых уроков, на которых он ничего не понимал и мучительно отсиживал бездельно-бесконечные 45 минут. Но почему-то сегодня этот протест как-то обмяк, завял, дерзить и выкрикивать всякие глупые слова не хотелось, даже давать привычный щелчок своему соседу Димке он не стал...

А Лев Сергеевич тем временем объяснял, что́ будут делать ребята: сначала несложные инструменты и кухонные табуретки («Они нужны в каждом доме!»), затем полочку для посуды, для домашней утвари, а потом — мебель с расписным орнаментом. Серёжа не знал, что такое «орнамент», но звучное слово понравилось, и он догадался: это что-то очень хорошее и нужное для мебели. Пока он раздумывал об этой будущей, похожей на сказку работе, Лев Сергеевич раздал всем короткие квадратные бруски (назвал их «заготовками») и с помощью чертежа на доске объяснил, что с ними делать.

Серёжа покрутил заготовку в руках — лёгкая, тёплая, пахнет приятно. Взял в руки рубанок и... первым же резким движением срезал угол бруска. Тут же приготовился «отразить атаку» — ответить на обвинение учителя (привычно ждал рез-

ких слов). Но Лев Сергеевич и не думал обзывать его дебилом и недоумком.

— Не робей, парень, — сказал спокойно. — Это бывает у начинающих мастеров. Я тоже когда-то портил заготовки. Смотри, как надо держать инструмент... — И ловкими движениями быстро отшлифовал шероховатую поверхность бруска.

— Вот и всё. Считай, одну ножку к табуретке мы с тобой сработали. А дальше делай сам.

Так в Серёжину жизнь спокойно и доброжелательно вошёл труд.

...Строитель Сергей Петрович, давно окончивший школу, до сих пор помнит то ни с чем не сравнимое чувство, когда однажды его изделие учитель труда назвал лучшим, а на городской ярмарке сделанные им табуретки и полочки жители Ногинска раскупили в первые же минуты. Мальчик получил тогда (впервые!) зарплату. Дома мать с удивлением взяла деньги, пересчитала и в этот вечер ни разу не назвала Серёжу дебилом...

Серёжин путь прошёл не один подросток в этой школе.

Наталья Арсеньевна нашла педагогически безошибочный способ помочь ребятам обрести утраченное достоинство, ощутить возможность «жить, как все», поверить в свои силы. В этом выборе надёжным помощником и советчиком ей и школе стал классик научной педагогики, сообразной природе ребёнка, — Антон Семёнович Макаренко: вот по какой модели строили они свою школу.

На первых порах вопросов было гораздо больше, чем ответов. В поиск включился весь педагогический коллектив: учителя настойчиво искали способы преодолеть естественное сопротивление детей учебным предметам, которые многим были не по силам (даже в «спецшколе» их варианте). Понимали, что дорога в вузы их выпускникам заказана. Понимали и то, что в жизни, к счастью, тысячи способов проявить себя в деле, самореализоваться. Недаром ведь древний мудрец утверждал: лучший клад — ремесло... На владеющих им никогда не спадает спрос — вон сколь-

ко в городе объявлений: требуются строители, квалифицированные слесари, токари, сантехники...

Снова и снова анализировали учителя свои возможности, «примеряли» к себе модель макаренковской трудовой школы, думали о том, как лучше помочь ребятам войти в жизнь с её жёсткими рыночными условиями, конкуренцией, незащищённостью тех, кто не способен нахраписто работать локтями.

Свою тревогу, свои предложения выносили на педсовет, обсуждали проблему на методобъединениях, конференциях и семинарах. На семинары приглашали учёных, воспитанников А.С. Макаренко. Один из семинаров проводил директор музея А.С. Макаренко Владимир Васильевич Морозов. Он предложил учителям педагогическую формулу, которую коллектив принял всей душой и сделал своим неписанным законом: **принимать** учеников такими, какие они есть, **понимать** их и **помогать** им стать лучше. «Закон трёх П» безотказно действует в школе. Трудно, очень трудно переходил коллектив от принуждения, авторитарного общения с детьми к сотрудничеству с ними, пониманию и уважению. За долгие годы укоренилась привычка видеть в учениках тех, за кого всё решают окружающие. Пространство же самостоятельного выбора школьников свелось к одному: либо покорно бездельничать на уроках, либо бездельничать, бурно выражая свой протест...

Забегая вперёд, скажу, как однажды на городской выставке детских изделий к Наталье Арсеньевне подошёл известный в городе предприниматель и с удивлением спросил:

— Неужели всё это делают умственные отсталые ребята?

— Нет, — ответила директор. — Это делают полноценные ребята, только с ограниченными возможностями. Вам ведь не под силу выткать вот такой прекрасный го-белен и сшить такое нарядное платье? А они умеют. Для этого они овладели сложными профессиональными навыками, проявили вкус, фантазию. В чём-то нам с вами до них расти и расти...

Собеседник директора понимающе кивнул головой...

На одном из педсоветов твёрдо решили забыть, что это спецшкола для детей с проблемами в умственном развитии. «Держайте — вы талантливы!» — не устают повторять педагоги ребятам. Достичь новой ступеньки педагогического осмысления своей миссии (иначе не назовёшь это бескорыстное служение «проблемному детству») помог коллективу А.С. Макаренко, его педагогическое наследие.

Глубоко изучив его, учителя и совершили прорыв к трудовой школе, к производительному труду, ставшему подлинным воспитателем. Это ещё триста лет назад сумел понять гениальный Ян Амос Коменский: «Добротель воспитывается посредством дел, а не посредством болтовни», — утверждал он в своей «Великой дидактике». И то правда: ещё никому не удавалось достичь жизненной успешности, лёжа на диване и тупо уставясь в телящик, даже если при этом человеку страстно толкуют о пользе труда, о его облагораживающем воздействии. Стоя на берегу, плавать не научишься. А наша массовая общеобразовательная школа только тем и занималась многие годы, что воспитывала трудолюбие и прочие гражданские и человеческие добродетели посредством болтовни — «воспитывающего обучения»...

Ногинские учителя, освоив труды А.С. Макаренко, решили целостно реализовать его технологию. Это было педагогически верное решение. Все попытки «частично использовать» ту или иную технологию, да ещё и вносить в неё пресловутые «изюминки» напоминают ситуацию одной из «Ста коротких басен» Сергея Смирнова. Кукушка добилась официальной справки: «Гражданку Кукушку отныне считать Орлихой» по той причине, что она воткнула в свой хвост орлиное перо — внесла «изюминку» в свою внешность.

...В 11 разнообразных школьных мастерских закипела работа. Начинали с самого простого — делали молотки, кухонные доски, табуретки, шили простыни, наволочки, фартуки. Всё это шло на рынок. Первый

доход был не ахти каким — 100 рублей.

Но и этому были рады. Сегодня номенклатура изделий школьных производственных мастерских составляет довольно длинный список: разнообразная мебель, в том числе детская расписная, которую охотно покупают дошкольные учреждения (помните обещание учителя труда «делать мебель с орнаментом»? Росписью мебели занимаются ребята с 4-го класса), гладильные доски, садово-огородный инвентарь, строительные инструменты, детская одежда (платья, костюмы, куртки, пальто). Доход школы вырос до миллиона рублей.

На деньги, заработанные своим трудом, купили пианино, грузовую автомашину, промышленные швейные машины и оверлоки, станки, электроинструменты. Некоторые учителя считали опасным давать деньги ребятам.

Но Наталья Арсеньевна мужественно взяла на себя ответственность, убеждала учителей, что неоплаченный труд не станет стимулом, будет восприниматься как одна из форм подчинения, педагогического диктата. И не ошиблась.

Представляя школу на Международном конкурсе им. А.С. Макаренко, Наталья Арсеньевна Карэ подробно рассказывала, как организован труд школьников, как ведётся его оплата — только в зависимости от количества и качества, никакой уравниловки! Говорила, как трудно налаживать отношения с налоговой инспекцией. Трудные достижения ребят отражены в цифрах, диаграммах, отчётах. Но вот как рассказать о педагогическом результате производительного труда? Какой мерой определить значение для детей права жить, а не существовать, дарованное школой, учителями? И — трудом?

Не тем трудом, которым ребята занимались прежде: делали всё кое-как, «для мусорки». На некоторых уроках труда при-

существовало по два ученика — по четыре часа пришивали пуговицы. Ребята ненавидели этот оболванивающий труд. Это было практически то же безделье, как и на остальных уроках, только вдвойне, втройне вредное, развращающее, ибо ничто так не развращает человека, как профанация труда, его «никому ненужность».

Педагогически организованный производительный труд стал мощным регулятором нравственных отношений между детьми, их отношения к делу. В школе ни одного случая воровства денег друг у друга и даже намёка нет на «дедовщину», которая поражает сегодня общеобразовательные школы, как злокачественная опухоль. Деньги, заработанные трудом, не «развратили» школьников. Напротив, дисциплинировали их, организовали. В школе сегодня стыдно сделать вещь недобросовестно. Ребят терпеливо учат, но если надо выполнить заказ, тут уж требования высокие, и школьники стараются изо всех сил. В то же время учителя трудового обучения дают ученикам право на ошибку: даже если школьник допустил небольшой брак, изделие идёт в дело — либо используется в интернате, либо его дарят детским садам. Наталья Арсеньевна в таком случае говорит школьнику: «У тебя две руки, значит, ты можешь всё делать в два раза больше и лучше, чем я». (В детстве в результате дорожной травмы она лишилась левой руки.)

Труд скорректировал и отношение ребят к учёбе: на уроках практически исчезло безделье. «Жить, как все», оказалось делом нелёгким, но очень привлекательным. В школе появились многочисленные Почётные грамоты (за первенство в соревнованиях), Дипломы от Всероссийского выставочного центра (за лучшее качество изделий школьных мастерских — швейной, столярной, слесарной). В этом огромная заслуга заместителя директора по производственному обучению Надежды Алексеевны Прониной, человека, в высшей степени ответственного за судьбы ребят. Под её началом работают пятнадцать учителей трудового обучения, и каждый — человек умелый, умудрённый жизненным опытом.

Анатолий Григорьевич Елизаров — бывший директор Истомкинской ткацкой фабрики, прекрасно знающий все тонкости производства, хороший организатор. Его коллеги — Михаил Михайлович Митрофанов, Лев Сергеевич Туркин, Борис Алексеевич Градобоев, Алевтина Алексеевна Аболенская, Людмила Михайловна Морева, Алла Николаевна Иванова — много лет отдали школе, детям, сделали из учебных мастерских маленькое, хорошо налаженное производство. А каждое школьное рабочее место — это путь к профессии, путёвка в трудовую жизнь.

Жизнь учеников школа строит по Макаренку: приоритетом стали труд, воспитание коллектива, дисциплина. В школьном детском объединении — отряды, группы. Стали традицией «линейки-диалоги» по параллелям. На линейках школьники — руководители отрядов подводят итоги, называют лучших, достойных премии, и тех, кто оштрафован (за нарушение дисциплины). Штрафы, прямо скажем, — чисто символические, но сама по себе эта мера наказания воспринимается ребятами весьма болезненно. Да ещё и директор заносит «штрафников» в свою «чёрную книгу». И — никаких обид, никакого протеста против учителей, потому что всё делается «по справедливости», «по-честному», что очень важно для ребят.

Педагоги решили: у школьников не должно быть невыясненных трудных вопросов — ни одну проблему нельзя загонять внутрь. Поэтому и назвали линейку диалогом: здесь выясняется, чем жили ребята, что было радостного, успешного в их жизни, какие трудности, в какой помощи учителей нуждаются. Конечно, подобные диалоги не ограничиваются линейкой, но коллективное обсуждение общих проблем даёт ни с чем не сравнимый воспитательный эффект, делает отношения учеников с учителями зоной полного доверия.

Наталья Арсеньевна не склонна к прямым, однозначным причинно-следственным выводам. Но тем не менее из 30 ребят, стоящих на учёте в инспекции по делам несовершеннолетних (грабили киоски,

воровали жвачку, конфеты, воду), осталось семеро, из дому и из школы за последние годы не убежал никто. И уж совсем удивительно: эпидемии гриппа, простуды — тьфу, тьфу! — обходят школу и ребят стороной. Может, потому, что настрой в коллективе бодрый, радостный, оптимистичный? А может, потому, что питание хорошее: в рационе — ветчина, рыба, ежедневно фрукты, соки, булочки. Учителя с удовольствием вспоминают забавную историю из школьной биографии: соседнее кафе подарило столовой примороженные ананасы. Ими лакомились целую неделю. И однажды девочки-семиклассницы недовольно сказали: «Опять эти противные ананасы!» Объелись...

Наталья Арсеньевна довольна: наконец-то удалось досыта и хорошо накормить детей. В этом видит она прямое следствие их трудовой занятости, начиная с 4-го класса: школа перестала считать копейки. И ещё одна очень любопытная деталь: занимаясь производительным трудом, ребята ощутили потребность в правовых знаниях. Ввели уроки права во всех старших классах, а у директора школы появился заместитель по правовому воспитанию — Антонина Михайловна Гусева, долгие годы работавшая в правоохранительных органах. На десятки вопросов отвечает она школьникам на каждом уроке.

Педагогический коллектив и его отряд «трудовиков» строго следуют технологии Макаренко: как можно больше уважения к детям, как можно больше требовательности к ним. Не было вопроса, платить или не платить зарплату школьникам. Конечно, платить! Материальная заинтересованность стала мощнейшим мотивационным стимулом, побуждающим работать добросовестно, экономить материалы, проявлять (в коррекционной школе!) творчество, фантазию. На выставке изделий учеников школы в Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, где проходил наш конкурс, его участники и гости непременно задерживались у витрины детских швейных и художественных изделий. Ни на одном

из них не было лейбла «Made in...», но по изяществу силуэта, отделке, фантазии эти вещи не уступают многим импортным. А цена их доступна нынешним российским покупателям, поэтому и расхватывают школьные товары на ярмарках. Горожане хорошо знают и школьный магазин — здесь всегда есть посетители.

Педагоги идут дальше: открыли парикмахерскую — бесплатно стригут всех ребят, не отказывают и пенсионерам, которые уже «протоптали» сюда дорожку. Всё это делается не только ради благотворительности, но прежде всего — для ребят, чтобы они полнее ощущали свою нужность людям, свою способность быть такими, как все остальные. Этот мотив звучал в школе многократно, и вначале недоумеваешь: почему это нужно доказывать? Но потом начинаешь понимать: надо пожить в условиях Тани М., Алёши К., Светланы С., чтобы осознать всю значимость их нравственного достижения — жить, как все.

...Спрашиваю у директора школы: чтобы открыть любое дело, нужен ведь первоначальный капитал? Откуда он у спецшколы? В ответ Наталья Арсеньевна улыбается: «Из строительных отходов. Ребята ни одному рабочему не позволили воровать оставшиеся стройматериалы, краску, инструменты. Для начала этого было вполне достаточно».

Ни одной копейки из городского бюджета не понадобилось школе для того, чтобы с размахом развернуть своё дело. Школа получила новый статус — коррекционной с продлённым днём. И никто из учеников не спешит теперь покинуть её стены — у каждого после уроков есть дело по душе. Я уже упоминала о «Городе мастеров» и о 30 разнообразных творческих кружках. Так вот, в коррекционной школе ребята овладевают искусством плетения из бисера, аппликации (ткань, мех, кожа, соломка), изготовления нетканых гобеленов, изделий из папье-маше, занимаются резьбой по дереву, живописью (многие картины учащихся украшают стены школы, а в интернате висят ажурные светильники, способные украсить самое изысканное помещение).

Уже несколько лет школьному драматическому театру — победителю областного конкурса детских театральных коллективов и ансамблю народных и современных балльных танцев. Для такой многообразной творческой деятельности с ребятами в штат школы введены педагоги дополнительного образования — мастера своего дела. Заместитель директора по воспитательной работе Людмила Ивановна Зуева — бывший детсадовский работник — хорошо знает, какое огромное влияние оказывает на детей арт-терапия. В театральном коллективе школы вместе с детьми играют учителя (ставят

учителя и роженицы получают пособие. Зарплата учителя от 3500 руб. до 6500 (учителям высшей категории). За выдающийся вклад в образовательную деятельность в школе выплачивается директорская премия в размере 1000 рублей.

Вот как соотносится со структурой школы система трудового обучения.

1-я ступень: нулевой — 4-й класс (5 лет) — школа коррекции и развития;

2-я ступень: 5–8-е классы (4 года) — школа социального опыта с углублённой трудовой подготовкой (допрофессиональное обучение);

3-я ступень: 9-й класс (1–2 года) — школа профессионального обучения (начальная профессиональная подготовка выпускников);

4-я ступень: 10-й класс (социально-реабилитационный) — школьное производство, которое предлагает оборудованные рабочие места выпускникам, не сумевшим трудоустроиться на предприятиях города и района. На работающих подростков в школьном производстве оформляются трудовые книжки на основании трудового законодательства. В этот же период они в течение 2–3 лет могут обучаться дополнительным профессиям.

Поскольку городские профучилища принимают ребят преимущественно из массовых школ, педагоги коррекционной спецшколы 7 лет назад на базе мастерских открыли для выпускников группы профессионального обучения по одно-двухгодичной программе профучилищ, адаптированной для учащихся вспомогательных школ. Сначала таких групп было три (по основным профилям обучения), сейчас их восемь: столярное, слесарное, швейное, поварское, строительное, парикмахерское дело, машинпись, подготовка младшего обслуживающего персонала. В перспективе школа планирует открыть группы профессионального обучения по подготовке слесарей-сантехников, младшего медицинского персонала, специалистов по мелкому ремонту обуви, переплётно-картонажному, декоративно-озеленительному и автоделу. При этом учителя могут рассчитывать только на себя:

только классику!), и театр стал корректором поведения, психики, настроения. При нём есть костюмерная мастерская — школьники с помощью учителей делают эскизы и сами шьют костюмы для спектаклей.

Даже в беглом перечислении объём работы, занятости учеников, духовная насыщенность школьной жизни поражают. Для учителей же это норма, для ди-

ректора — управленческий принцип:

— В несчастливом, раздражённом коллективе не может быть счастливых успешных детей. Чтобы обеспечить учителям нормальную жизнь, мы пошли по линии «расширения педагогической сферы обслуживания»: наши учителя ведут кружки, работают в группах продлённого дня, в интернате. Это даёт им возможность зарабатывать. В школе разработана программа социальной помощи педагогам — им предоставляется бесплатное питание, путёвки в дома отдыха и санатории, дополнительный месячный отпуск (если учитель проработал 5 лет без заболеваний). Молодые

ни из федерального, ни из городского бюджета деньги на эти цели не выделяются.

Производительный труд школьников сочетается с общеобразовательной подготовкой. Качеству обучения в коррекционной школе уделяется не меньше внимания. Уроки учителей, опыт которых обобщён в школе, открыты для всех педагогических работников. Руководители образовательных учреждений и педагоги города, района и области едут сюда за опытом. За последние пять лет на базе школы проведено более 30 семинаров. По рекомендации Института коррекционной педагогики наряду с традиционными учителя ввели такие предметы, как «Живой мир», «Этика и эстетика», музыкально-ритмические и психокоррекционные занятия, «Граждановедение и правоведение», «Занимательный ручной труд», «ИЗО и народные промыслы». Школьники получают элементарные знания экономики, умеют строить семейный бюджет, занимаются вопросами экологии. По желанию ребят и их родителей проводятся уроки православной культуры на сугубо добровольной основе, они гасят агрессию, возбуждённость, снимают конфликтные ситуации. Так что ребята не обделены знаниями по общеобразовательным предметам. Но занимают они в их жизни ровно столько места, на сколько школьники к этому способны.

Коррекционная технология: концерт для двоих

Строгие технологи, такие, как Вячеслав Валерианович Гузеев, меня, пожалуй, осудят. Но тем не менее выскажу профессионально крамольную мысль: в Ногинской коррекционной спецшколе-интернате основная коррекционная технология — доброта. Понятие это, конечно, не научное, житейски расплывчатое. Чтобы согласиться с этим утверждением, надо побывать в этом доме на окраине города, пообщаться с детьми, посмотреть на их лица, услышать их смех, чтобы убедиться: технологией может стать и свойство учительской души.

Это оно побуждает педагогов делать то, что находится за рамками их «функциональных обязанностей», как любят говорить наши отечественные чиновники.

...Провели обследование жилья своих учеников. В нескольких домах обнаружили текущие крыши, острую нужду в ремонте квартир. Мобилизовали своих строителей, провели ремонт — бесплатно, в порядке благотворительной помощи.

...Выявили во время рейда, что некоторые родители-пьяницы ретиво меняют квартиры (большую на меньшую), а то и умудряются продавать их, ухудшая и без того плохие условия жизни детей. Социальные педагоги (а их в школе шесть человек) обратились в суд, выступали свидетелями, тратили уйму времени и отвоевали-таки жильё для детей.

...Обнаружили, что в нескольких семьях дети подвергаются жестокому обращению, родители пристрастились к наркотикам, к алкоголю. И начали длительную тяжбу (другого слова не найти!) за лишение этих горе-отцов и матерей родительских прав. В результате самим педагогам и пришлось взять некоторых детей под опеку (только у директора четверо опекаемых).

Не знаю, относятся ли подобные действия учителей к области психокоррекции, но что они корректируют, упорядочивают жизнь ребят — это бесспорно. Полюбить 420 сорванцов со сложными характерами — цель нереальная. Но заботиться о них, выполнять по отношению к ним педагогический, и прежде всего человеческий долг — для учителей школы входит в обязанность.

Никто не заставлял директора и её коллег брать на себя дополнительные хлопоты — открывать интернат на 80 мест для детей-сирот и инвалидов, где дети живут в разновозрастных «семейках». Этот двухэтажный дом (бывший детский сад) можно снимать на рекламный ролик: просторные классы, стерильно чистые спальни, изысканно-уютные игровые комнаты — от таких условий любая очерствевшая детская душа оттаёт. Особенно если хозяйка дома — такая, как Галина Николаевна Резябова, заме-

стителю директора по воспитательной работе в интернате. О ребятах она знает всё — в каких условиях живут, кто родители или родственники, чем болели, что их интересует. И организует жизнь детей и взрослых по законам доброты и заботы.

...В это время дня интернат был пуст: уроки закончились, дети ушли на прогулку. Только из музыкального зала лились серебряные звуки «Вре́мён года» Чайковского. Потом их сменила задумчивая мелодия старинного романса. Хотелось увидеть, для кого и кто даёт этот прекрасный фортепьянный концерт. В музыкальном зале, удобно устроившись, сидели мальчик и девочка. Молодая учительница музыки Ольга Николаевна Новикова задумчиво перебирала клавиши фортепьяно, заполняя комнату волшебной мелодией. Галина Николаевна пояснила:

— Это дети из очень трудных семей, нервные, склонные к ссорам, агрессии. Психолог назначил им терапию с помощью музыки...

Концерт для двоих... Кружок для троих... Занятия по релаксации для одного ребёнка... Учителя на деле осуществляют индивидуальный подход к ребятам.

Основная дидактическая проблема школы — «Психолого-педагогическое, медико-социальное и правовое сопровождение учащихся». Для этого создана специальная служба, костяк которой — психологи, социальные педагоги, медики. Формы поддержки — самые разные, но такие, чтобы не воспитывали в детях иждивенчество. Впрочем, трудовой человек никогда не станет иждивенцем...

Сюжеты школьной жизни так разнообразны, порой так неожиданны, что учителя за голову хватаются. Училась в школе девочка с тяжёлым заболеванием. Кажется, не обделяли её вниманием, заботой, социальные педагоги часто посещали семью. Вдруг — как гром с ясного неба: Наташа беременна! Это в восьмом-то классе! Что делать? Выгнать из школы? Куда она пойдёт? В семье оба родителя — алкоголики, между ними — постоянные драки, в доме — пьяные оргии. И учителя приняли ре-

шение: пусть учится, заканчивает 8 классов. Так и ходила на уроки будущая молодая мама, ребята о ней заботились, всячески старались помочь. Наталья Евгеньевна Галиаскарова, заместитель директора по организации детского питания, проработавшая в школе много лет (для неё все дети — родные), старалась получше накормить Наташу, дать ей побольше фруктов, чтобы малыш родился здоровым... А когда он появился на свет, школа ещё долго помогала Наташе, пока она не устроила свою жизнь.

Помогают учителя выпускникам, которые не смогли по каким-то причинам устроиться на работу. Им дают возможность получить вторую профессию в школьном профучилище (в социально-реабилитационных классах), а если и после этого работа не находится, то в школе для таких ситуаций предусмотрено несколько рабочих мест — в столовой, на кухне, в строительной бригаде, в обширном слесарно-столярном хозяйстве этого большого дома.

До 23 лет пестуют учителя своих выпускников, а потом ещё лет 5–6 следят за их трудовой деятельностью и видят в этом свои прямые обязанности. В конце концов ребята устраиваются, становятся предпринимателями, заводят своё небольшое дело, торгуют. Кому-то удаётся устроиться на предприятия города.

Есть здесь 12 учеников, которые не могут посещать школу, — это практически необучаемые дети с глубокой инвалидностью. Никто не упрекнул бы школу, если бы этих детей не было в списке её учеников. Но учителя сами нашли их, организовали обучение на дому, обеспечивают их продуктами питания, чтобы они не были обделёнными. В этом большая заслуга социального педагога Антонины Михайловны Шаулиной, человека доброго, заботливого, ответственного. У одного из её питомцев было плохо со зрением, так она до московских профессоров дошла, пенсии для мальчика добилась. Учит Антонина Михайловна ребят расписываться, считать, читать, писать. Труд и здесь приходит на помощь: девочка научилась шить, двое мальчиков — мастерить. Им дают заказы на изготовление мел-

ких изделий — пусть небольшой, но всё же приварок к семейному бюджету. А некоторых ребят удаётся даже снять с надомного обучения. К слову сказать, нескольких учеников, которые занимаются в классе, учителя сочли возможным перевести в обычную массовую школу. Так после этого родители умоляли директора вернуть их обратно: таких условий, как здесь, семья предоставить детям не может.

Я умышленно не касаюсь способов психологической и социальной коррекции — психологи и социальные педагоги своё дело знают.

А вот о косвенных способах коррекции сказать стоит. Ребята спецшколы-интерната постоянно посещают художественные выставки, детский и молодёжный театры, музеи, слушают концерты. В школе часто проводятся общие праздники. Один из них, недавний, надолго запомнится и учителям, и детям. Назывался он «Я — гражданин России». 55 подростков в торжественной обстановке получали паспорта. Им вручили подарки, ансамбль «Калинка» из городского Дома детского творчества дал специально для них концерт.

Насыщенная эмоциональная жизнь сама по себе прекрасно корректирует состояние души. А чтобы не перегружать детей физически, уроки сократили до 35 минут, домашних заданий нет. Зато у ребят после уроков и отдыха — полноценный продлённый день с увлекательными трудовыми делами.

Вряд ли стоит доказывать, почему в этой школе повышенное внимание медицинскому обслуживанию детей. Физиотерапевт, педиатр, психиатр, дефектологи, три врача различной специализации... При первой необходимости ребят кладут в Глуховскую больницу — за год пролечивают человек десять.

Учителя физкультуры — Пётр Семёнович Крючков, Юрий Иванович Лошаков (педагоги с большим стажем) — делают всё для того, чтобы школьники росли крепкими, поправляли здоровье. Среди учеников школы есть сегодня кандидаты в мастера спорта по боксу, гимнастике, лёгкой атлетике.

Пожалуй, самая эффективная коррекционная технология — это полноценная, эмоционально яркая, трудовая жизнь школьников. И сколько бы в иных школах ни произносили высоких слов о «всестороннем развитии», «самореализации», «лично-ориентированном» образовании и прочей педагогической демагогии, — **ничто не приведёт к такому впечатляющему результату, как простая формула коррекционной спецшколы из подмосковного Ногинска: производительный труд — хороший доход — нормальная жизнь детей и учителей, организованная по законам доброты и ответственности.**

...Мы уходили из интерната, когда весенние сумерки уже ступились, на улице зажглись фонари. В мягко освещённый вестибюль из музыкального зала доносились хрустальные звуки шопеновского вальса: концерт-коррекция для двоих ребят ещё продолжался.

Директор школы: лидер не по должности

В судьбе любого человека очень многое зависит от её истоков: что в них — чистый родник или замутнённая житейская лужица? Наталья Арсеньевне повезло: с детства её окружали люди, для которых главной жизненной ценностью был труд — честный, самоотверженный. Сегодня у многих эти понятия могут вызвать лишь снисходительную улыбку: безнадёжный анахронизм...

Старый Богородск (нынешний Ногинск) — город мастеров ткацкого производства. В нём прошло детство Натальи Арсеньевны, с ним связала она свою жизнь.

Фабриканты Морозовы выучили её отца и его братьев, дали им профессию и вполне хорошее по тем временам образование. На Глуховской фабрике выросла и мать Натальи Арсеньевны — главный человек в её жизни. Головины (девичья фамилия директора школы) были в Богородске людьми уважаемыми, почётными. За заслуги перед ткацким производством хозяин да-

ровал им дом, который до сих пор стоит в Торбееве. А до этого семья жила в самой большой комнате Глуховской казармы (так называлось общежитие ткачей).

Нам многого сейчас не понять в том прежнем времени. Не понять, как можно было дружно и радостно жить одной семьёй в доме, где на общей кухне по утрам десять хозяек стряпали еду, где вместе отмечали праздники — с песнями, плясками, вкусно пахнущими пирогами. Но так было, и Наталья Арсеньевна до сих пор вспоминает те годы, как самое яркое впечатление детства...

В пять лет судьба послала ей тяжёлое, недетское испытание: по дороге из детского садика попала под трамвай. Видевшие виды хирурги плакали, ампутируя детскую руку... Так и могла бы девочка жить с чувством своей неполноценности, вызывая жалость окружающих, если бы не мудрость родителей: отец и мать относились к ней, как и к её сёстрам, — никаких скидок, никаких поблажек.

— Наташа, достань мясо, овощи, свари борщ, — поручала ей мама.

В первый раз девочка от удивления только выдохнула: «Как?!»

— Как все, как я, — спокойно сказала Антонина Ивановна.

Она научила Наташу готовить, стирать, гладить. А однажды достала из шкафа ткань:

— Будешь учиться шить, дочка...

Какими бесценными были эти уроки, идущие от материнского сердца, Наталья Арсеньевна поняла позже: никогда, благодаря матери, не чувствовала себя инвалидом. Когда вышла замуж и родила дочку, со всеми домашними делами справлялась сама, успешно вела хозяйство. Так же успешно и пединститут закончила, а на выпускном вечере щеголяла в роскошном шёлковом платье, сшитом своими руками...

«Комплекс полноценности», воспитанный мудрыми родителями, Наталья Арсеньевна несёт всю жизнь — никогда никакого нытья, жалоб, унижительной позы просителя. Она — лидер не по должности, а по натуре, по воспитанию: вожатая детского дома, завуч сельской школы, начальник пио-

нерского лагеря. Теперь вот 15 лет — директор спецшколы-интерната. Её главное лидерское качество — уметь увлечь людей, сплотить, подчинить свои интересы общему делу. Вокруг неё и объединились учителя, потому что видят её самоотдачу, ответственность, её кристальную честность.

— Прихожу иногда на работу и думаю: а что же мне сегодня здесь делать? Всё налажено, всё идёт своим чередом...

За этим «всё налажено» — многолетний титанический труд директора и коллектива. Но прежде всего, конечно, руководителя. В школе она — раньше всех, ни один участок школьной жизни, дающий сбой, ни пройдёт мимо её внимания. Нет, директор не подменяет собой работу своих заместителей, но за школу, за детей прежде всего сама несёт ответственность.

Человек она — широкий, увлекающийся, дерзающий. Глубоко уверена: спецшкола и её коллектив — не хуже других. Поэтому педагоги охотно участвуют во всевозможных конкурсах, форумах, смотрах. Вот некоторые итоги: коллектив стал победителем Всероссийского конкурса «Школа года», дважды дипломантом международного конкурса «Красивая школа», лауреатом Всероссийского выставочного центра, дипломантом 6-й международной выставки-форума «Школа». Но, пожалуй, самую престижную правительственную награду получила она от губернатора столичной области генерала Бориса Громова — почётный знак «За заслуги перед Московской областью».

И вот теперь специальная (коррекционная) школа-интернат VIII вида стала призёром конкурса имени А.С. Макаренко. Эта награда получена накануне юбилея школы: в мае ей исполнилось 55 лет.

— Круглые отличники! — шутит Наталья Арсеньевна. Но в этой шутке — большая доля правды. Школа и учителя сумели преодолеть самое трудное — безысходность детских судеб, дать в руки каждому ребёнку ремесло, а вместе с ним способность быть, как все, и жить, как все...

**г. Ногинск
Московской области**